

КУЛЬТУРА КАК ТЕКСТ И ПОДТЕКСТ МЕМУАРОВ Т.А. КУЗМИНСКОЙ

Книга Т.А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» вышла в 1925 г., когда автора уже не было в живых. Писать свои воспоминания, сначала в форме небольших очерков, Кузминская начала в 1907 г. Хотя книга не окончена (написаны три части: 1846-1862, 1863-1864, 1864-1868 – и начало четвертой), она справедливо считается «выдающимся памятником мемуарной литературы вообще, и толстовской в особенности» [1]. Мастерство, с которым написаны воспоминания, говорит не только о несомненном литературном даровании, но и о таланте увидеть, почувствовать в человеке и в событии главное, определяющее, вместе с тем не опуская существенных подробностей и индивидуальных особенностей всех действующих лиц и оставаясь предельно тактичной.

Книга Т.А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» связана с именем Льва Николаевича Толстого не только потому, что он является главным героем мемуаров (наряду с автором). Толстой-человек сыграл огромную роль в жизни Т.А. [2], а Толстой-писатель повлиял, без сомнения, на ее творчество. С.А. Розановой приводятся свидетельства того, что сам Толстой указал Т.А. Кузминской на особенности работы над документальной прозой [3].

Своеобразной формулировкой принципов работы над произведением документальной литературы можно считать отзыв Толстого о воспоминаниях свояченицы Шиллера: «Чрезвычайно заметен <...> поверхностный взгляд на великого человека сентиментальной женщины и лица, слишком близкого поэту, поэтому находящегося под влиянием мелочных домашних недостатков, утратившего должное уважение к поэту» [4]. Это можно воспринять как требование к любому мемуаристу, пишущему о великом человеке – сохранять объективность, сдержанность, трезвость, не смешивая обыденное и художественное отношение к действительности, заключенное в оппозиции поэт/человек. Судьба распорядилась таким образом, что и о Толстом были написаны воспоминания человеком очень близким. Однако эти мемуары можно отнести к одним из лучших. Исследователи (С.А. Розанова, С.М. Брейтбург) отмечают факт участия Льва Толстого в становлении Кузминской-писательницы, а ее главный труд – воспоминания «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» – расценивают, в основном, как историко-культурный источник, «щедрый реальный комментарий к двум романам Толстого» [5]. С.А. Розановой и С.М. Брейтбургом приводится мнение одного из рецензентов первого издания об идентичности Наташи Ростовской и Т.А. Кузминской [6], отражающее восприятие современниками мемуаров Кузминской и закрепившее в сознании последующих поколений этот момент. На наш взгляд, парадокс мемуаров Т.А. Кузминской, замеченный современниками, заключается в следующем: вместо того чтобы быть документальным комментарием к биографии Л.Н. Толстого в период работы над «Войной и миром», они превратились в самостоятельное «художественное» целое. С.А. Розанова права, утверждая, что мемуары подчинены принципу романного мышления с единым сюжетом и составляющие его эпизоды сцеплены личностью самой мемуаристки.

В мемуарах Т.А. Кузминской главным образом воссоздана панорама культурной жизни второй половины XIX века, причем воссоздана «изнутри», то есть в духе века, сохраняя его тип мышления. По верному замечанию болгарской исследовательницы Дечки Чавдаровой, «человек рафинированной культуры обитает в «реальности», но осмысливает вещи посредством текстов культуры» [7]. «Литература», «культура» – мерило отношений, оценок ситуаций и т.д. Так, в мемуарах лейтмотивом звучит узнавание, его семантика означает «открытие» мира (отсюда сопровождающая его радость узнавания): «деревенские барышни точь-в-точь такие, как описывают в повестях» (127) (тургеневские девушки); «старик-пчеловод с длинными седыми волосами и длинной седой бородой, точь-в-точь, как представляют в опере» (211) (мельник в

«Русалке»); няня «носила на голове не то повязку, не то повойник, который носят купчихи или свахи в пьесах Островского» (271); парализованная деревенская старуха напоминает «чудный рассказ Тургенева «Живые мощи» (282) и т.д. Недоговоренность в двух первых примерах через обобщение подводит к архетипу, в двух последних – конкретизация в восприятии жизненных реалий через культурный текст.

Таким образом, при помощи культурных ассоциаций воссоздается окружение мемуаристки, человеческие типы – параллели к известным литературным типам. Кроме того, чужой литературный текст способствует идентификации и самоидентификации. Имплицитно чужой текст реализуется в упоминании о всегда лежащей под подушкой книге «Евгений Онегин», а эксплицитно – в тех разнообразных и многочисленных параллелях и аналогиях, которые навязывают Т.А. Кузминской окружающие, видя в ней тот или иной литературный персонаж. Так, Сергей Николаевич Толстой находит сходство между ней и героиней романа Октава Фейэ «Маленькая графиня» (239), а Лев Николаевич узнает ее в Авроре Флорид, героине одноименного романа Мэри Брэддон (270). В первом случае Кузминская находит это лестным для себя («Она лучше меня, она блестяща!», 254), а во втором – огорчается и недоумевает, всерьез принимая это сравнение, а значит, перенося на себя и ее поступки: «Сергей Николаевич сравнивал меня с *la petite comtesse*, но та, по крайней мере, действительно прелестна, – думала я. – А это бог знает что... Влюбиться в конюха!» (270) (в действительности она повторяет отчасти судьбу первой литературной героини, с которой ее сравнивал С.Н. Толстой – любимый человек не женился на ней).

Кроме указанной выше тенденции восприятия быта через культурный текст, существует другая – острого ощущения «живой жизни» как органики бытия. Это находит выражение в стремлении Льва Толстого к «разрушению эстетики» (снятию границ между литературой и жизнью). Так, читая домашним вслух упомянутый выше роман английской писательницы, Толстой с одобрением восклицает: «Экие мастера писать эти англичане! Все эти мелкие подробности рисуют жизнь!» – заявляя тем самым один из основных принципов собственного творчества, позднее в толстововедении получивший название «мелочности». В описываемое мемуаристкой время Толстой работал над «Войной и миром», поставив в романе цель – «заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях». Это, в свою очередь, вело к переоценке понятий литература и «литературность», «писателей» и «писательства».

Романы, которые Т.А. Кузминская читала в журналах, Толстой называет «подлыми» («Вот ты опять за свои подлые романы взялась и читаешь их, - прибавил он шутя.» – «А ты напиши не подлый, так я буду его читать, а ваших серьезных книг я не могу терпеть» (308). Николенька Иртеньев читает французские романы, что вызывает в сознании читателя присутствующие в русской литературе (у Пушкина, Гончарова, Тургенева) коннотации определения «французский роман»: «иллюзия», «ложь» [8]. Т.А. Кузминская читает «русские повести и романы в русских журналах», как она сообщала в письме другу детства. В чтении Т.А. Кузминской русских романов – свойственная ей органика, естественность ощущения вещей. По рекомендации Льва Толстого она читала повесть «Полинька Сакс» А.В. Дружинина. В отзыве об этой повести («просто, правдиво и жизненно написана», 364) – Толстой отмечает авторское стремление приблизиться к «живой жизни». Так обозначается принцип творчества Л.Н. Толстого – следование «живой жизни», доверие к ней, признание ее в ее целостности, простоте, всеохватности, непосредственности и естественности. Изображенный писателем мир создает настолько сильную иллюзию самодвижущейся жизни, что и события, и герои воспринимаются читателями как действительно существовавшие, поэтому родные и знакомые испытывали соблазн расшифровки, стараясь узнать, кого из них писатель изобразил в своих произведениях под тем или иным именем. Так, у Т.А. Кузминской в отдельных эпизодах Воспоминаний ощутимо подобное восприятие «романов», например: «Я позвала дедушку в сад, где я набирала груши, и слушала его рассказы о том, кого Лев Николаевич описал в своем «Детстве».

- А ты меня не узнала? – спросил меня дедушка.
- Узнала по тому, как ты плечом дергаешь» (129).

«Живое», «ущербное», вносящее диссонанс (дерганье плечом), не идеальное в жизни и взятое художником из нее, в художественном произведении становится прекрасным и через акт узнавания возвращается в жизнь.

По мнению Т.А. Кузминской, с большинства персонажей ее мемуаров Толстой «писал» тех или иных героев своих произведений. Все творчество писателя, при таком подходе, оказывается «привязанным» к конкретным фактам, лицам, событиям, местам. По Толстому, знание «местного колорита» необходимо. Задумав писать роман о декабристах, он, по свидетельству мемуаристки, не только встречался с некоторыми из них, но и «хотел ехать в Петербург смотреть крепость, где они были заключены и повешены» (246). Пережить самому в воображении – следовательно, «внушить» читателю те же эмоции (вступить в диалог, основа которого – антропологическое единство человеческой природы, и писатель должен добраться до этой первоизданной природы). А художественное произведение, по Толстому, «есть то, которое заражает людей, приводит их всех к одному настроению» (запись в дневнике 23 марта 1894 г.) [9].

После рассказа Т.А. Кузминской о романтическом вечере, проведенном ею наедине с братом писателя Сергеем Николаевичем во время сильной грозы, Лев Николаевич побывал в этом доме и описал свое посещение в письме Софье Андреевне: «После ужина я прошел в подробности по всему дому и узнал вещи Сережины (разные мелочи), которых я не видел давно, которые знаю 25 лет, когда мы оба были детьми, и ужасно мне стало грустно» (243). Воображение писателя начинает работать при помещении себя в реальное пространство, вещный мир, интерьер: «на том диване, на котором Таня за ширмами держала его <...>, эта вся поэтическая и грустная история живо представилась мне <...> Вообще мне стало грустно на этом же диване» (244). В психологии творчества Толстого имеет место своеобразная «магия пространства»: сам «заражаясь» от соприкосновения с «теми самыми» вещами, мелочами, писатель обретает способность передать свое настроение читателю. Обо всех подробностях этого вечера Л.Н. Толстой знал и со слов Т.А. Кузминской (тогда еще Тани Берс), и со слов Сергея Николаевича («чужое слово»), но только непосредственный контакт с реальными предметами, «теми самыми», является толчком к воссозданию происшедшего, и не только. Выражаясь языком театра, Толстой настолько «входит в образ», что начинает «чувствовать» за участников события, проникать в их будущее: «...я понимаю, что это воспоминание этой ночи – одни, в пустом и хорошеньком доме – останется у них обоих самым поэтическим воспоминанием...» (244).

Повторяющиеся в мемуарах эпизоды с «записыванием» Тани Берс (204, 247) не просто настойчивое напоминание о том, кто является прототипом Наташи Ростовской, это и свидетельство того, как работал писатель: «Что это ты все пишешь в свою книжечку?» Он усмехнулся: «Да вас записываю», - сказал он. «А что в нас интересного? – добивалась я. «Это уж мое дело. Правда – всегда интересна» (204)[10]. Стремление к «правде» было усвоено Кузминской (о чем свидетельствуют и ее первые литературные опыты), этому принципу она следует в своей книге. По нашим наблюдениям, это стремление по-разному реализуется в мемуарной и автобиографической линиях воспоминаний.

Мемуарное начало в воспоминаниях Т.А. Кузминской более всего находит свое выражение в описаниях патриархального быта с его многочисленными подробностями и в портретистике.

Очевидно, не без влияния Л.Н. Толстого выраженные в его романах родовое начало, тяга к патриархальности побуждают и Т.А. Кузминскую начать мемуары с истории своей семьи, поиска корней. Время, точнее, точка отсчета – конец XVIII - начало XIX в., война с Наполеоном. Подтверждением тезиса о влиянии Толстого может быть факт совпадения времени начала повествования о семье со временем начала первого тома «Войны и мира»[11]. Идентифицируя себя с Наташей, Т.А. Кузминская и всю свою семью считает прототипом семьи Ростовых («...про семью Ростовых говорили, что это живые люди. А мне-то как они близки!», 336), что и побудило,

на наш взгляд, мемуаристку начать повествование с того же момента, что и в толстовском романе.

«Документальность» повествования Т.А. Кузминской складывается из упоминаний (в связи с историей семьи) таких исторических имен, как Екатерина II, Павел I, Александр I, многих известных придворных, цитирования исторических документов (например, рескрипта Александра I о возвращении прадеда Т.А. Кузминской П.В. Завадовского на службу). Наряду с этим эквивалентом «документа» оказывается художественный текст (произведения Толстого): «Дед описан в «Детстве» и «Отрочестве» в лице отца Николая Иртеньева. Глава, озаглавленная «Что за человек был мой отец», вполне характеризует А.М. Исленьева. Приведу несколько строк из этой главы...» (40). На произведение Л.Н. Толстого Кузминская ссылается так же, как на письма Екатерины II, Александра I, П. В. Завадовского и др. (в том числе и свои собственные) и дневники Толстого, то есть не различая исторический документ и прозу. Парадокс, но художественное творчество Толстого является для Кузминской источником «документальности» (в данном случае синоним «реальности» (в онтологическом смысле) бывшей жизни). Таким образом, в ее сознании возникает как бы обратный ход – жизнь реальная «подтверждается» жизнью, воссозданной в произведении: Софья Александровна «описана в «Детстве» и «Отрочестве» Льва Николаевича под названием *La belle Flamande*» (43); «Гаша эта описана в «Детстве» и «Отрочестве» (135) и т.д. У Кузминской, как у Толстого, – уравновешено и уравнено все. Все персонажи мемуаров имеют своих литературных двойников, так возникает единое культурное пространство как бесконечный лабиринт сцеплений: все во всем, все есть все.

«Остановленное мгновение» в ссылке иного характера: «Эта сцена почти целиком вошла в «Войну и мир», потому-то я ее так хорошо и запомнила» (369). Специфика «мемуарной» памяти Кузминской – возвращение к реальному факту, пропущенному через литературу (в частности, толстовские произведения).

Проза Л.Н. Толстого для Кузминской «не литература», а «живая жизнь», как и для ее отца А.Е. Берса (он помогал Л.Н. Толстому в работе над романом «1805 год», собирая документы этого периода – письма, записки и т.д.), который предлагал в качестве сюжета не выдуманное, а пережитое: недовольный отношением Толстого к проблеме вскармливания новорожденного сына, он предлагает: «Пускай-ка он напишет повесть, в которой муж мучает больную жену и желает, чтобы она продолжала кормить своего ребенка; все бабы забросают его камнями» (232). Нравственная проблема, актуальная в реальной жизни, в первую очередь имеет право стать объектом художественного исследования.

При таком соотношении литература / жизнь можно скорее говорить не о скрытой цитации, а о принципе мемуаротворчества Т.А. Кузминской, который можно определить как *документированность*.

Главным свидетельством подлинности всего описываемого в мемуарах является Ясная Поляна, которая самим фактом своего существования подтверждает «правдивость» повествования. Ясная Поляна (усадьба-музей уже при жизни мемуаристки, вечное остановленное мгновение) в тексте воспоминаний Т.А. Кузминской не географическое понятие, а особый (усадебный) мир. Кузминская подробно описывает культурное пространство Ясной Поляны: дом, интерьер (дважды упоминая о комнате со сводами: «Репин обессмертил ее, написав в ней Льва Николаевича за письменным столом» (122) – *документированность* усиливается); заросли лопуха и бурьяна вокруг дома (как знак его первозданности, органики бытия); яблоневый сад, который начал сажать еще дед Толстого кн. Н.С. Волконский, а он его значительно увеличил; леса, окружающие имение. Толстовское отношение к Ясной Поляне специфично. В этом мире все особенное, даже аромат («Таня! – окликнул меня Лев Николаевич. – Каков вечер, а запахи какие? Лучше твоих «*Violettes de Parme*». – Да, да, прелесть, – восторженно отвечала я. – А ты знаешь, что я испытываю – какой рай после городской пыли, духоты и треска мостовой»), но для Кузминской, кроме того, «весна действительно была такая, какую описал много позднее Лев Николаевич в романе «Анна Каренина» (304). В оппозиции природа / культура, цивилизация

Ясная Поляна – реализация толстовского идеала гармоничного соединения природы и культуры (проблема «Казачков» и т.д.).

В Ясной Поляне и особый духовный мир, который Толстой во время работы над «Войной и миром» хотел бы время от времени переносить в Москву: «Вы, весь ваш мир, театр, музыка, книги, библиотеки (это главное для меня последнее время) и иногда возбуждающая беседа с новым и умным человеком, вот наши лишения в Ясном». Поэтому ему хотелось бы на зиму «приехать и пожить 3, 4 месяца в своем перенесенном из Ясного мирке» (из письма А.Е. Берсу, 284).

В усадебном сознании город, с его грязью, суетой, неестественностью («над оперой смеялся – кривляньем называл», 174), – зло, («ад»), после которого необходимо пройти «очищение», вернувшись в мир природы.

В усадебном тексте Т.А. Кузминской, проникнутом усадебным сознанием (и самого Толстого на этом этапе его литературной деятельности), ею иначе воспринимается и время в Ясной Поляне. Хронологические ошибки, выявленные автором примечаний Т.Н. Волковой, все одного плана: события, происходившие позднее, мемуаристкой переносятся на 1863-65 годы, то есть на время ее пребывания в Ясной Поляне, наиболее насыщенное для нее драматическими событиями (увлечение Анатодем Шостаком, роман с Сергеем Николаевичем). Т.А. Кузминская упоминает о споре Л.Н. Толстого с П.Ф. Самариным по поводу смертной казни, происшедшем в 1881 г., о посещении Ясной Поляны И.С. Тургеневым (1878 г.) и Н.Н. Страховым (1871 г.), о встрече с Ф.И. Тютчевым в вагоне железной дороги (1871 г.) и т. д.

Автобиографическое начало в мемуарах Т.А. Кузминской подчинено, с одной стороны, принципу ассоциативных соответствий, в частности, пушкинской литературной героине Татьяне Лариной, которая, по сути, является выражением национальной (дворянской) культуры XIX века; с другой стороны – принципу идентификации с героиней романа Л.Н. Толстого Наташей Ростовской, к созданию которой она была сопричастна. Кузминская существует как «продолжение» Татьяны Лариной, порождая Наташу Ростовую, которая в свою очередь «продолжает» ее (бесконечный лабиринт сцеплений, и законы этих сцеплений, этот механизм предстоит исследовать).

Автопризнание («...под подушкой всегда лежала книга «Евгений Онегин». Я перечитывала ее несколько раз и многое знала наизусть», 82), сделанное в начале мемуаров, можно считать ключом к первой сюжетной линии (условно ее можно назвать «линией Татьяны»). Эпизоды пушкинского романа «угадываются» в сюжетных перипетиях мемуаров Т.А. Кузминской. Автобиография, имеющая романную основу, разлагается на составляющие ее мотивы:

1. Героиня – Татьяна (имя совпадает) – девушка, питающая пристрастие к романам, в доме, полном молодежи и разговоров о любви, естественно находящаяся в состоянии ожидания любви («душа ждала кого-нибудь»). Упоминание о «Евгении Онегине» после разговора с сестрой Соней о влюбленном в нее молодом человеке (81) создает рифму ситуаций в едином тексте культуры.

2. Завязка. Сергей Николаевич Толстой появляется в доме как «жених» («Татьяне прочат жениха»): «...подожди жениться, Левочка, мы женимся с тобой в один и тот же день, на двух родных сестрах» (146). Факт – типичный для дворянских родов, восходящий к ситуации «Евгения Онегина» (это происходит, как и у Пушкина, на именинах старшей из сестер). Две симметричные пары, где «невесты» – родные сестры: у Пушкина – Татьяна и Ольга, у Кузминской – Татьяна и Софья. И хотя эта сцена несколько снижена тем, что «невеста» (которой еще 15 лет) заснула на диванчике, утомленная присутствием многочисленных гостей, «в сердце дума заронила»: после встреч в Ясной Поляне и прогулок верхом с Сергеем Николаевичем Таня Берс спрашивает у матери, могут ли «два брата жениться на двух сестрах» (236).

3. Путешествие в «чужой мир» (архетипическая ситуация) – его мир – проясняет сущность героя и его отношений с героиней: «В этот вечер без объяснения в любви мы чувствовали ту близость и единение душ, когда и без слов понимаешь друг друга. Это было зарождение того сильного чувства веры в будущее счастье, которое и возвышает и поднимает человека и делает

его лучше и добрее» (240). Героине, сравнивающей свое состояние с пережитым раньше – «детской радостью» при встречах с А. Кузминским и «испуганной страстью, неведомой и грешной», испытанной по отношению к Анатолию Шостак, – становится ясно, что «этот исключительный человек» и его ни с кем нельзя сравнить.

4. Сон. Описанное погружение в сон («счастливая, свободная и беззаботная, с радужными мыслями и неопределенными надеждами на будущее, я перешла в другой мир, но не знаю, какой из них был лучше...», 241) несет ту же функцию, что и сон Татьяны в пушкинском романе, – дает встречу с собой, познание себя через погружение в подсознание, освобождает от условностей.

5. Финал. В финале романа с Сергеем Николаевичем (который, по признанию самой мемуаристки, она «нравственно устала писать», 370) такая же горечь от несостоявшегося счастья («А счастье было так возможно...») вследствие невозможности преступить через нравственные принципы («у меня бы всегда это было на совести, а теперь может быть, все будет к лучшему», 373). Мотивировка та же, что и в пушкинском романе – «Но я другому отдана и буду век ему верна».

Национальный характер Татьяны Кузминской («русская душою»), каким он обрисован в мемуарах, складывается на пересечении двух стихий – природной (восприятие природы как субстанции, частью которой она себя ощущает) и национально-бытовой (вера в приметы, участие в гаданиях, внутренняя потребность говенья и т. д.).

Т.А. Кузминской свойственно редкое ощущение органики бытия, его первозданности, ничем не замутненная свежесть мировосприятия, сиюминутность и ощущение реальности пребывания в мире: «Мне казалось тогда, что вся эта природа, закат, лужайка, все это только для нас, что раньше тут ничего не существовало» (123). Специфика подобных описаний природы у Т.А. Кузминской обусловлена восприятием этой природы: оно целостно-органическое и комплексное, то есть одновременно всеми органами чувств (пение птиц, тишина; запах фиалок, свежего сена; краски заката). В этом описании использован метод, близкий А.А. Фету («стихийность», «хаотичность», «первичность» впечатлений, переданных в том виде, как они явились человеку): «Вокруг нас тишина, пения птиц уже не слышно, и разве только изредка промелькнет по макушкам лип легкая пушистая белка. Мы сидим в созерцательном настроении, и на нас благотворно влияет эта тишина» (252) (параллелизм состояний человека и природы).

Радость разделенной любви рождает ощущение полета, слияния с миром, растворения в окружающем, превращения в другую субстанцию: «Я не могу спокойно сидеть за работой, не могу идти домой. Я бегу вниз по аллее, прочь от дома <...> Я останавливаюсь и, вскочив на скамейку, поднимаю руки и делаю вид, что лечу» (252).

Патриархальное мироощущение находит выражение в мышлении, близком к фольклорно-мифологическому. Естественное ощущение связи со всем живым, собственной включенности в круговорот природы и бытия порождает такое мышление, когда что и народные приметы органично входят в повествование («На небе слева я увидела молодой серп луны. «К слезам!» – подумала я...221), как и рассказ о святочных гаданиях («По вечерам лили воск и выбегали спрашивать имя», (405) – почти цитаты из «Евгения Онегина»). Для Т.А. Кузминской естественно выражение народными формулами («Этот случай убедил меня, что одна беда никогда не бывает», 324), входящими в текст мемуаров как знак патриархальности, которая была для нее одной из главных ценностей (как, впрочем, и для Толстого в этот период): «Должна сказать, что я редко встречала более патриархальный и гостеприимный дом, чем наш, благодаря удивительной простоте и самобытности склада всего дома» (295). Собственная семья представлена в мемуарах Т.А. Кузминской как тип дворянской семьи, живущей по законам сердца: «К ужину почти всегда кто-нибудь приезжал к нам из театра, зная, что мы дома. И все-то у нас принимали радушно, хлебосольно, и всем-то было и хорошо и тепло» (295).

Линия Татьяны, существующая в подтексте мемуаров, искусственно нами «деконструирована» на основе упоминаний и других знаков. Линия Наташи Ростовской является,

на наш взгляд, доминирующей. Объект художественного изучения в романе «Война и мир» – Наташа Ростова, – как бы оживший в Т.А. Кузминской, начинает существовать по имманентным законам художественного бытия, которое уже неподвластно автору – Льву Толстому. Это может быть обозначено как «эффект пересечения параллельных» (литературной героини и реально существующего человека) в едином тексте судьбы, тексте культуры:

1. Наташа-Кузминская не выходит замуж за «Пьера». Наблюдения над текстами мемуаров и романа Толстого приводят к заключению о том, что писатель, придавая Наташе черты характера Тани Берс, вводя в роман факты ее биографии, моделируя свою литературную героиню, пытался смоделировать судьбу и ее реально существовавшего прототипа. Об этом свидетельствует, в частности, их переписка, особенно в период романа с Сергеем Николаевичем. На правах «второго отца» Л.Н. Толстой не только дает ей советы, но и принимает непосредственное участие в ее судьбе в самые важные, решающие моменты: является как бы посредником между Таней Берс и своим братом перед их окончательным разрывом («В душе *перед богом тебе говорю*, я желаю да, но боюсь, что *нет*», 344); в той же роли он выступает и в ее отношениях с его другом Д.А. Дьяковым. Таня Берс очень болезненно переживала разрыв с С.Н. Толстым и потому, что сохранила к нему свое чувство, и потому, что видела в этой истории препятствие своему будущему замужеству. Д.А. Дьяков, в семье которого она долго гостила, проявлял по отношению к ней самую трогательную заботу и однажды в ответ на ее сказанные – «с горечью, краснея» – слова, что, пробыв два года невестой одного, она никогда не выйдет замуж, ответил: «Да, если бы я был свободен и молод, я считал бы за счастье быть вашим мужем...» Л.Н. Толстой (которому Татьяна Андреевна «рассказала, по приезде в Ясную, <...> о разговоре с Дмитрием Алексеевичем, как делала это всегда», 430) вложил эти слова в уста Пьера («Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире и был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей» [Т. II, ч. 5, гл. XXII]), ставшего через несколько лет мужем Наташи Ростовой. Д.А. Дьяков в 1866 г. (в момент разговора с Таней Берс и работы Толстого над романом) был женат, и Толстой не мог предполагать, что и его слова, как слова Пьера, будут иметь последствия.

Когда в 1867 г. умерла жена Д.А. Дьякова, он просил Толстого узнать, как Таня Берс отнесется к его предложению, но она вышла замуж за А.М. Кузминского. Толстой надеялся, что «ничего из этого (брака с А.М. Кузминским – *Е.Ш.*) не выйдет, и тем лучше»(454), и был недоволен, что Таня Берс поступила по-своему (модель не захотела повторять судьбу своего литературного двойника):

«- Соня, я чувствовала, что Левочка недоволен, что я выхожу за Кузминского, а не за Дмитрия Алексеевича.

- Понятно, Дьяков лучший его друг» (454) (ср. с отношением Толстого к Пьеру).

2. Наблюдая за семейной жизнью Кузминских, «анковским пирогом», Л.Н. Толстой видел расхождение этого «семейного счастья» с его собственными представлениями о семье, доме, а также с его концепцией женщины-матери. По известному выражению самого писателя, он «смешал вместе Софью Андреевну и Татьяну Андреевну, переболтал их и сделал из них Наташу» [12]. Если Софья Андреевна остается в русле толстовской концепции (по словам сына Ильи, «прекрасная женщина, идеальная мать и идеальная жена», Т.И., 264), то Татьяна Андреевна являет собой полную ее противоположность.

В приведенном в «Моих воспоминаниях» сочинении Толстого для яснополянского Почтового ящика «Тетя Соня и тетя Таня. И вообще, что любит тетя Соня и что любит тетя Таня» дается исчерпывающая характеристика (несмотря на шуточный тон) обеих сестер, подтверждающая это: «Тетя Соня обожает малышей (как Наташа – *Е.Ш.*), тетя Таня далеко не обожает их»; в отличие от «опустившейся» Наташи, тетя Таня «любит наряжаться, но во что-нибудь, что ее молодит», «любит высокую прическу»; «тетя Соня постоянно о ком-нибудь беспокоится, в особенности когда кто-нибудь уехал на время из дому» (ср. описанное в эпилоге состояние Наташи, когда Пьер задержался в Петербурге), «тетя Таня, раз отпустивши, старается

забыть об этом и никогда не беспокоится» (Т.И.,120).

Неприятие мужем идентификации Т.А. Кузминской с Наташей с первых дней их супружества связано со страхом вмешательства в их личную жизнь писателя Л.Н. Толстого – творца Наташи. Но во время первой супружеской размолвки в ответ на опасения мужа, что его «семейная жизнь будет складываться под чужим влиянием», Кузминская демонстрирует очень трезвый, «нелитературный» подход: «Надо жить просто, не сочинять себе жизнь <...> Она будет складываться не под влиянием кого-либо, а по обстоятельствам» (466).

3. Являясь своеобразной «материализацией» Наташи, Т.А. Кузминская восполняет ее, вступая в спор с Толстым. Если Наташа, выйдя замуж, «бросила сразу все свои очарования, из которых у ней было одно необычайно сильное – пение», то Кузминская всю жизнь продолжала музыкальные занятия, доставляя этим радость близким. Так, Илья Львович писал, что под впечатлением от ее пения «часто не выдерживал и со слезами на глазах выбегал на балкон» (Т.И., 75). То же чувство восторга испытывал и Лев Толстой, в последние годы отрицавший дворянскую культуру. В 1907 г. его секретарь Н.Н. Гусев записал, что во время пения Кузминской под аккомпанемент Сергея Львовича Лев Николаевич, слушавший с большим удовольствием, «вдруг встал и ушел к себе», а затем, будучи «очень растроганным», признался: «...музыка – единственное из мирского, что действует на меня» [13].

В отличие от Наташи, целиком «погрузившейся» в семью, Т.А. Кузминская продолжает с увлечением читать романы. Кроме того, она, по свидетельству ее племянницы Татьяны Львовны, «помешалась» на женском вопросе и спорит об этом с Толстым [14]; тогда как Наташу «эти вопросы не только не интересовали, но она решительно не понимала их» [Эпилог, Ч. 1, гл. X].

И главное – Т.А. Кузминская остается душой мира семьи, Дома. Татьяна Львовна описывает сцену, когда «Кузминские сидели с тетей Таней и ей изливали свою душу и уверяли ее, что они никогда от нее ничего не скрывали и скрывать не будут (С.-Т., 53). И дети Толстых тянутся к ней: Татьяна Львовна признается: «...тетенька – моя подушевная» (С.-Т., 38); по словам Ильи Львовича, «она была и тетенькой, и лучшим нашим товарищем», поэтому «маму мы любили, – тетю Таню обожали. Мама была будни, – тетя Таня - праздник» (Т.И., 72). То же вспоминает о ней и Александра Львовна: «Тетенька любила радость и веселье, все, что было нерадостно, она с негодованием откидывала. Она терпеть не могла ссор, неприятностей, злобы – они нарушали радость – и старалась скорее все уладить» (С.-Т., 532)[15].

Оставаясь поэтическим воплощением Наташи, в восприятии окружающих свою «материальность», «вмерзание в быт» (Ахматова) Т.А. Кузминская выражает в чертах хитрости (по воспоминаниям И.Л. Толстого, «у тети Тани, когда она бывала не в духе из-за пролитого кофейника или проигранной партии в крокет, была привычка посылать всех к черту. На это Лев Николаевич написал рассказ «Сусойчик» (Т.И., 114). Финал мемуарной линии Наташи Ростовской – издание Т.А. Кузминской рецептов вегетарианской кухни.

Такое восприятие Т.А. Кузминской возможно только при наложении текста мемуаров на текст романа Л.Н. Толстого.

Библиографический список

1. Розанова С.А. Счастливая звезда // Вступ. ст. к кн.: Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. М., 1986. С. 19.
2. «... всю свою юность я провела в Ясной Поляне, всем, что есть во мне хорошего и святого, я только обязана ему, и больше никому», (465) - признается мемуаристка. Мемуары Кузминской цитируются по изданию: Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. Страницы указываются в тексте в скобках сразу после цитаты.
3. Розанова С.А. Указ. соч. С. 12.
4. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В20 т. Т. 19. Дневники 1847 - 1894 г.г. – М., 1965. С. 117.
5. Брейтбург С.М. Вступ. ст. к кн.: Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Приокское книжное издательство, 1973. С. 14.
6. «Наташа Ростова сошла со страниц «Войны и мира» и написала воспоминания» // Розанова С.А. Указ. соч. С. 22; Брейтбург С.М. Указ. соч. С. 5.

7. Чавдарова Дечка. Читающий человек в творчестве Льва Толстого. Культура как текст и «читающий человек» как «естественный человек» // Homo Legens в русской литературе XIX в. Шумен, 1997. С. 110.
8. Там же. С. 74.
9. Подробнее о принципе «заражения» читателя см.: Ищук Г.Н. Проблема читателя в творческом сознании Л.Н. Толстого. Калинин, 1975.
10. В 1877 г. Л.Н. Толстой писал Н.Н. Страхову: «Как ни пошло это говорить, но во всем в жизни, и в особенности в искусстве, нужно только одно отрицательное качество – не лгать». Толстой Л.Н. ПСС. Т. 62. С. 309.
11. Сын Л.Н. Толстого, Илья Львович, начинает «Мои воспоминания» со времен татарских нашествий, когда Ясная Поляна была одним из сторожевых пунктов, охранявших Тулу». Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1987. С. 23.
12. Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1987. С. 77. Далее принято следующее сокращение: Т.И., 77. Страницы указываются в тексте после цитаты. В примечаниях к этому изданию (авторы О.А. Голиненко и Б.М. Шумова) указано, что «это высказывание Толстого со слов С.А. Толстой впервые приведено П.А. Бирюковым так: «Я взял Таню, перетолок ее с Соней и вышла Наташа». С. 422.
13. Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. Серия литературных мемуаров. М., 1973. С. 55.
14. Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1987. С. 41, 53. Далее принято следующее сокращение: С.-Т., 41. Страницы указываются в тексте после цитаты.
15. В сочинении «Тетя Соня и тетя Таня» Л. Н. Толстой пишет: «Тетя Соня, пользуясь какой-нибудь радостью или весельем, тотчас примешивает к нему чувство грусти. Тетя Таня пользуется счастьем всецельно» // Толстой И.Л. Указ. соч. С. 121.

